

DOI 10.15826/qr.2018.3.329

УДК 329(47+57)КПСС+316.334.3+378.662(470.5)+94(470.5)"1956"

**«АНТИСОВЕТЧИНА» В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ
УРАЛЬСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС***

Юлия Русина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“ANTI-SOVIETISM” AMONG THE STUDENTS
OF THE URAL POLYTECHNIC INSTITUTE
AFTER THE 20th CONGRESS OF THE CPSU****

Yulia Rusina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Referring to documents of the Komsomol and regional party organisations, this article considers qualitative changes in the mass political consciousness of the Soviet people caused by Stalin's departure from the historical arena and the 20th Congress of the CPSU. The author focuses on materials of the Komsomol Conference of the Kirov Ural Polytechnic Institute held in the autumn of 1956, which had a deep resonance because of a “slandorous anti-Soviet and anti-party” speech delivered by Arthur Nemilkov, a fourth-year student of the Faculty of Physics and Technology. This event was one of a few similar incidents that took place in other universities, research institutions, schools, and industrial enterprises of the USSR. The archival documents, mostly consisting of party protocols and Komsomol records, testify to a contradiction in the development of public consciousness. On the one hand, it was characterised by stereotypical thinking and the use of Communist rhetoric,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-ОГН, проект № 17–21–07002 а(м) «Человек советский» в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.».

** *Citation*: Rusina, Yu. (2018). “Anti-Sovietism” Among the Students of the Ural Polytechnic Institute after the 20th Congress of the CPSU. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 3, p. 797–814. DOI 10.15826/qr.2018.3.329.

Цитирование: Rusina Yu. “Anti-Sovietism” Among the Students of the Ural Polytechnic Institute after the 20th Congress of the CPSU // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 3. P. 797–814. DOI 10.15826/qr.2018.3.329 / Русина Ю. «Антисоветчина» в студенческой среде Уральского политехнического института после XX съезда КПСС // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 797–814. DOI 10.15826/qr.2018.3.329.

and, on the other, by shifts in public and political activity, especially those of Soviet youth. The ideological and mental transformations of the Thaw period are actualised as a forerunner of dissident discourse in the intellectual environment of Soviet society. Additionally, the article raises questions about the values of the Soviet citizen and the devaluation of traditional rituals introduced by the authorities with the aim of involving citizens in the official ideology and turning them into *homo soveticus*.

Keywords: 20th Congress of the CPSU; Thaw; Soviet person; mass social and political consciousness; Ural Polytechnic Institute; Soviet students; Arthur Nemelkov.

Качественные изменения в массовом политическом сознании советских людей, вызванные уходом с исторической арены Сталина и XX съездом КПСС, рассматриваются на основании сведений документов комсомольских и партийных органов регионального уровня. В центре исследования – материалы комсомольской отчетно-выборной конференции Уральского политехнического института им. Кирова, проходившей осенью 1956 г. и получившей большой резонанс благодаря «клеветническому, антисоветскому и антипартийному» выступлению студента 4-го курса физико-технического факультета Артура Немелкова. Данное событие встраивается в ряд подобных инцидентов, имевших место в других вузах, научных учреждениях, школах и на предприятиях страны. Архивные документы, представленные в основном протокольным комплексом партийного и комсомольского делопроизводства, свидетельствуют о противоречивых тенденциях общественного сознания: с одной стороны, сохраняются стереотипы мышления и риторические высказывания, с другой – фиксируются сдвиги в общественно-политической активности, прежде всего советской молодежи. Идеологические и ментальные трансформации периода «оттепели» актуализированы как предтеча диссидентского дискурса в интеллектуальной среде советского социума. Ставятся вопросы о ценностных ориентирах советского человека и деформации значения традиционных ритуалов, созданных властью с целью приобщения граждан к официальной идеологии и дальнейшего превращения их в *homo soveticus*.

Ключевые слова: XX съезд КПСС; «оттепель»; советский человек; общественно-политическое сознание; Уральский политехнический институт; советское студенчество; Артур Немелков.

«Слово не воробей, поймает – вылетишь!» – это было сказано другом Артура Немелкова, студента 4-го курса, заместителя секретаря бюро ВЛКСМ физико-технического факультета Уральского политехнического института им. С. М. Кирова (далее – УПИ)¹ незадолго до его

¹ Уральский политехнический институт (УПИ) был организован в 1925 г. для подготовки инженерных кадров. В 1934 г. ему было присвоено имя С. М. Кирова. В 1949 г. здесь был открыт физико-технический факультет, призванный готовить специалистов в области атомной промышленности и энергетики. В 1956 г. в УПИ обучалось 10 тыс. студентов, из них около 300 – иностранных (преимущественно китайцев).

выступления на XVIII отчетно-выборной конференции в октябре 1956 г. [Немелков]. Позднее его квалифицируют как «клеветническое, антисоветское и антипартийное» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 4].

Период, наступивший после смерти Сталина и XX съезда КПСС, время качественных изменений в массовом политическом сознании советского общества, осмысливается в современной научной литературе в различных ракурсах и аспектах: это и социальные протесты, и эволюция общественного мнения и настроений, и проявление инакомыслия (см., например: [Аксютин, Волобуев; Козлов; Пыжиков, 2000; Пыжиков, 2003, №6; Пыжиков, 2003, № 12; Крамола; Аксютин]). В исследованиях 1990-х гг. утверждается мысль о невероятной эйфории, «духовном раскрепощении», «глотке свободы», испытанных народом в это время. Даже на страницах журнала «Коммунист» после XX съезда «начала пробиваться свежая мысль... стали появляться статьи, в которых остро говорилось о культе личности, борьбе с бюрократизмом... что-то трещало, ломалось в идеологическом режиме...» [Аксютин, Волобуев]. Однако отказ от публичных дискуссий, ограничения в распространении текста доклада лишь в среде партийного и комсомольского актива, запрет передавать его содержание в записи породили массу слухов, суждений. Получить разными путями текст доклада, переписать за ночь, прочитать и передать товарищу – ход мыслей и действий, характерный в том числе и для студенчества. Такое положение вещей не прибавляло авторитета партийному руководству и воспринималось остро, как нежелание говорить правду, намеренный обман и лицемерие. Охранительные интонации принятого 30 июня 1956 г. постановления «О преодолении культа личности и его последствий» [Постановление] усугубили ситуацию, хотя в то же время нашли созвучие с ходом мыслей и представлений, особенно руководящих структур советского общества. Абсолютно в унисон постановлению, называемому «грубой ошибкой» поиск «источников культа в природе советского общественного строя», звучат слова осуждения «крамольного» выступления А. Немелкова на отчетно-выборной конференции комсомольцев УПИ: «Письма ЦК партии предупреждали нас, что появятся люди, которые критику практики нашей жизни перенесут на политику нашей партии, на всю нашу социалистическую систему» [ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 14.].

Разговор, начатый XX съездом, вызвал переосмысление оценки развития советского государства. А суждения, в том числе и в форме слухов, на местах практически вытеснили другие его решения. В дискуссиях, развернувшихся на партийных и комсомольских собраниях страны, высказывались мнения, выходявшие за официально дозволенные рамки [Пыжиков, 2000, с. 77–78]. Критика высших партийных и государственных структур и их деятелей звучала в научных учреждениях (Институт востоковедения, Институт мировой литературы), вузах (Томский педагогический институт), средних школах (например, № 36 г. Ташкента), на промышленных предприятиях (Архангельская обл.) и др. [Там же, с. 79–82].

Атмосфера развенчания культа личности затронула все слои советского общества, но особенно горячо реагировала молодежь, в том числе самая активная и мыслящая ее часть – студенчество. Радикализации взглядов последних способствовали события в Польше и Венгрии (1956). В вузах страны прокатились комсомольские собрания, ставшие источником обильного цитирования и разбирательств под лозунгом «усиления политико-воспитательной работы» для партийных и комсомольских комитетов разного калибра. Так, на собрании историко-филологического факультета Курского педагогического института студент И. Рыков, оценивая состояние дел в комсомольской организации, заявил, что «комсомол – это скучная организация». «Организацией обывателей» был назван комсомол студентами физико-математического факультета Ленинградского университета [Пыжиков, 2000, с. 84]. Студент-комсомолец МГУ Альбеев публично выражал недоверие ЦК партии и требовал установления контроля над его работой. Студент Горного института Грохотов поставил на собрании вопрос о недемократичности выборов в Советы и об отсутствии в СССР свободы печати. Резкие по тону и критические по содержанию выступления студентов были отмечены в Уральском и Горьковском университетах, Брянском сельскохозяйственном и Таганрогском радиотехническом институтах и др. [Пыжиков, 2003, с. 77–78]. В документах отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР от 19 декабря 1956 г. приводится пример «вопиющего поведения» студента-филолога, представившего на кафедре психологии Уральского госуниверситета им. А. М. Горького лекцию для населения на тему «Сон и сновидения», заканчивающуюся словами: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – великий организатор массовых снов и сновидений» [Студенческие брожения в СССР, с. 20–21].

30 октября 1956 г. в Уральском политехническом институте произошло событие, которое поставило этот вуз в ряд перечисленных выше учебных заведений, где, согласно слогу партийных документов, «пренебрегали политико-воспитательной работой среди студентов». Обращая внимание на общую социально-психологическую атмосферу в молодежной среде осенью 1956 г., можно упомянуть, что в этом же ряду оказались и другие вузы Свердловска: Уральский государственный университет им. А. М. Горького, где, помимо смелых выступлений на общем комсомольском собрании, студенты выпустили самиздатские журналы «В поисках» и «Всходы» [Русина, 2009], и Свердловский педагогический институт, учащиеся которого выработали «требования к администрации и партийным органам института» с целью развития демократических принципов в организации студенческой жизни [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 57]. В указанных вузах в результате серьезно пострадали не только студенты – возмутители спокойствия, но и руководители этих учебных заведений [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 7].

А 30 октября 1956 г. (волею судеб эта дата станет в будущем Днем политзаключенного) с трибуны XVIII отчетно-выборной институтской конференции перед шестью сотнями ее делегатов из уст студента-четверокурсника Артура Немелкова прозвучали такие слова: «Комсомол сегодня – это послушная серая масса, которую трудно расшевелить, он перестал быть политической организацией, рядовые его члены – это статисты и винтики, которые ничего не могут изменить», «рады у нас сейчас все меньше и меньше, и голоса комсомольцев становятся все глуше», «выборы в центральные и местные органы, в том числе в Верховный Совет, когда в избирательном списке только один кандидат, – это насмешка над винтиками-избирателями», «советская конституция замечательная, но существует только на бумаге, т. к. нет свободы слова, свободы печати», «местные парторганизации – домашние попугаи», «вместе со Сталиным в массовых репрессиях участвовали и другие, те, которые до сих пор сидят в президиумах съездов», «после смерти Сталина осталось его уродливое детище», «правительство оторвано от народа, и государственный аппарат погряз в бюрократизме», «беспорядок и расточительство царят в строительстве, планировании промышленного производства и организации сельского хозяйства, а торговые работники более 50 % являются жуликами». В заключение Немелков призвал «избавиться от страха перед государственной машиной», «не бояться говорить во весь голос и критиковать все и вся, что считаете неправильным» [Блинов, с. 101–106; Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции, с. 365; ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 50, 77, 83].

В результате довольно рутинное комсомольское мероприятие породило огромный резонанс в вузовской среде и негативные формулировки партийных решений. Реакция делегатов конференции не была единодушной: кто-то сразу назвал Немелкова «антисоветчиком», выступил с резким осуждением его «клеветнических измышлений», но делегация физико-технического факультета поддержала выступление своего одноклассника, оценив его как «своевременное и правильное» и составив на основе высказанных им суждений декларацию с призывом обсудить ее на конференции. Многие преподаватели, руководители факультетов и кафедр в ходе конференции не стали осуждать молодого критика за инакомыслие. О состоянии умов и настроений в стенах вуза многое говорит тот факт, что лишь на третий день после вмешательства обкома КПСС был обеспечен ее «правильный», в понимании партийного руководства, ход [Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции, с. 371]. Отзвуки этой конференции еще долго «шли по всем факультетам», где Немелкова называли «героем времени, который встряхнул не только комсомольскую, но и партийную организацию института» [ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 11. Л. 251].

Так докладывал об этих событиях полтора месяца спустя на V пленуме Свердловского Горкома КПСС секретарь по пропаганде и агитации Б. А. Осипов:

Выступлению Немелкова в первый день не было дано решительного отпора со стороны присутствовавших на конференции партийных и хозяйственных руководителей института. Не сумел добиться перелома в ходе конференции во второй день и я, хотя имел на это специальное поручение, на что мне было справедливо указано на бюро Обкома КПСС. Только на третий день работы конференции после большой разъяснительной работы, проведенной с делегатами по факультетам, правильный ход конференции был обеспечен, и она свою работу закончила организованно, единодушно осудив как антипартийное, антисоветское выступление Немелкова, а также неправильное поведение делегатов физико-технического факультета [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 4. Л. 33].

События, происходившие в УПИ осенью 1956 г., описаны в публицистике и воспоминаниях [Блинов; Немелков; Шунько]. Очень подробно и неравнодушно проанализированы истоки поступка Артура Немелкова в контексте его личностных особенностей, взглядов и представлений о жизненных смыслах В. А. Блиновым, пришедшим учиться в УПИ через год после исключения Немелкова из комсомола и отчисления из состава студентов, когда вуз еще кипел, переваривая последствия XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции [Блинов]. Уральскими историками и архивистами подготовлена и опубликована документальная подборка о «волнениях» в Уральском политехническом институте, включившая в себя фрагменты из документов Свердловского обкома и горкома КПСС, а также текст речи В. А. Куроедова² на партийном собрании УПИ [Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции, с. 365–384]. Упоминания о данном событии в монографии А. И. Прищепы [Прищеп, с. 101] и его краткий анализ в дискурсе практик советской индивидуализации и разномыслия³ уральского студенчества явно недостаточны [Русина, 2017], что заставляет более внимательно приглядеться к личности Артура Немелкова.

Вырос он в рабочей семье в городе Челябинске. Прадед Артура переехал на Южный Урал из Нижегородской губернии еще в середине XIX в. и, по семейной легенде, сам придумал себе эту необычную фамилию – Немелков. Жизнь его отца была тесно связана со знаменитым Челябинским тракторным заводом, стройкой первой пятилетки, где он трудился и в годы Великой Отечественной войны. Артур Авенирович Немелков родился в 1934 г. в Челябинске, здесь прошли его школьные годы, юность, здесь он закончил с отличием машиностроительный техникум и отсюда уехал учиться в Московский авиационный институт. По окончании первого курса Артур перевелся

² Куроедов Владимир Алексеевич – в 1949–1959 гг. – секретарь Свердловского обкома ВКП(б) – КПСС по пропаганде и агитации.

³ Термин предложен российским социологом Б. М. Фирсовым [Фирсов].

поближе к дому, в Свердловск, на перспективный физико-технический факультет УПИ.

Получив имя в честь главного героя романа Э. Войнич «Овод», он с детских лет задумывался о смысле свободы и о предназначении человека, не боялся поднять свой голос в защиту человеческого достоинства. Так, в голодном 1947 г. пионер Артур Немелков организовал выступление против руководства пионерского лагеря, расхищавшего продукты, предназначенные для детской столовой [Блинов, с. 28–33]. Незадолго до конференции, находясь под впечатлением от речи Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях», студент-комсомолец А. Немелков, невзирая на предупреждение старого друга о слове и воробье, организовал на факультете кружок для «обсуждения политических вопросов современности» [Немелков]. Но совет старших товарищей-студентов «прикрыть похожую на сектантство деятельность» заставил ребят отказаться от коллективного обмена мнениями в кружке [Там же]. Тогда Немелков решил выступить на предстоящей комсомольской конференции. В воспоминаниях, написанных уже на закате жизни, Артур Авенирович Немелков так описал свой настрой перед «крамольным выступлением»:

Я чувствовал, что оттепель кончается, почти не начавшись, и наступают первые заморозки. Нужно было спешить, пока не грянули настоящие морозы. За пару дней до начала конференции основные тезисы выступления были написаны и даны для ознакомления нескольким товарищам из нашей группы. Ребята прочли и вынесли вердикт: «Здорово, смело, правильно! А кто выступит?». «Кто написал, тот и выступит», – ответил я на вопрос [Немелков].

По своей природе, характеру, юношескому бесстрашию он не мог сидеть сложа руки:

Мы, молодые, должны быть авангардом во всех благих начинаниях, должны говорить вслух то, что думаем, и не бояться последствий, потому, что есть такое право – быть гражданином! [Там же].

Смелая критика А. Немелковым советской действительности с вузовской трибуны вызвала волну собраний партийного и комсомольского актива разных уровней, катившуюся до конца 1956 г.: с 30 октября по 2 ноября продолжалась сама студенческая конференция; 13 ноября состоялось заседание бюро Свердловского обкома КПСС «О факте антипартийного и антисоветского» доклада студента-четверокурсника; 15 ноября на партийное собрание в УПИ был направлен секретарь Свердловского обкома партии по пропаганде и агитации В. А. Куроедов, а 21 декабря V пленум Свердловского горкома КПСС обсудил вопросы

«формирования марксистско-ленинского мировоззрения у молодежи». Свидетельством последнего партийного действия остались полторы сотни листов стенографической записи, треть которой занимает доклад секретаря Горкома КПСС Б. А. Осипова [ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 4].

Несомненно, «правильно» должен был отреагировать и комсомольский актив института, который в декабре, руководствуясь вышестоящими партийными решениями и общей атмосферой вокруг А. Немелкова, ходатайствовал об исключении его «из рядов комсомола за необоснованную клевету на советскую действительность» [ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 11. Л. 137]. Идеологические смыслы комсомольской повседневности отражает формулировка решения комитета ВЛКСМ УПИ, призванная «улучшить работу комсомольских организаций в студенческих группах», дабы не допустить впредь «немелковских» речей. В ней отмечается, что «в практике работы комсомольской организации института *много либерализма*» (курсив мой. – Ю. Р.). А далее следует перечень отрицательных персонажей советской действительности: «Многие комсомольские организации групп не создают общественного мнения вокруг *нытиков и белоручек, подхалимов, лодырей, карьеристов, хулиганов, пьяниц, стилияг*, (курсив мой – Ю. Р.), еще нередко встречающихся в нашей среде» [Там же. Д. 10. Л. 1]⁴.

Самым демократичным в «деле Немелкова» документом можно назвать «Стенограмму выступлений и постановление XVIII комсомольской отчетно-выборной конференции» института. Однако исследование фонда комсомольской организации УПИ показало, что протокол первого дня ее работы, когда и прозвучало выступление А. Немелкова (вслед за отчетным докладом секретаря комитета ВЛКСМ УПИ А. Мехренцева) и когда его речь была поддержана всей делегацией физтеха и аплодисментами слушателей, утрачен. Сохранились лишь «пояснения», данные этим нарушителем спокойствия во второй день конференции о том, «что именно он хотел сказать» своим выходом на трибуну [Там же. Д. 9. Л. 46–50]. И все же даже в таком неполном объеме сотня с небольшим страниц стенограммы практически не содержит эвфемизмов, которыми полны документы, рожденные вышестоящими партийными структурами.

В 1950-е гг. «ритуальные табу» уже были свойственны документам служебного делопроизводства, хотя особенно это явление укрепилось в партийных текстах последних десятилетий советской власти. По мнению авторов трудов по истории инакомыслия в СССР, «кра-

⁴ Архивное дело из фонда Свердловского обкома КПСС, куда был подшит протокол № 43 заседания бюро обкома, рассматривавшего факт «клеветнических заявлений и выпадов студента 4-го курса физико-технического факультета против партии, комсомола, государства и народа», долгое время имело гриф «Строго секретно», а в настоящее время отнесено к особо ценным документам [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64].

мольные мысли» предпочитали излагать в сослагательном наклонении, используя «маловразумительные ярлыки» – «антисоветский», «антипартийный», «клеветнический», что сегодняшним исследователям «существенно затрудняет идеологическую идентификацию “антисоветчиков”» [Крамола, с. 24–25].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что все тезисы «крамольной речи» Артура Немелкова, произнесенной в первый день работы конференции, выявлены из запротоколированных выступлений второго дня заседания. Известно также, что в стремлении осудить поступок Немелкова партактив института организовал собрания в учебных группах, где отказывал студентам, не присутствовавшим на конференции, в цитировании ее стенограммы, мотивируя тем, что «читать стенограмму – значит пропагандировать антисоветское выступление» [ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 11. Л. 276].

Тональность и лексика текстов из протокола второго дня конференции доказывают очевидность проведения со студентами «воспитательной работы». Есть и свидетельства подобного давления, например, письмо выпускника физико-технического факультета 1958 г. Владимира Лямшева, написанное им сестре сразу после конференции в ноябре 1956 г.:

...Конференция пошла в разнос. К трибуне рвались толпами, чего никогда не наблюдалось. И все, сначала защитив Немелкова от нападков, продолжали говорить о всевозможных недостатках нашей жизни. После заседания, которое длилось необычно долго, с Писчасовым⁵ долго говорили в парткоме. Предлагали осудить выступление Немелкова. Вся делегация поджидала его. <...> Кто-то высказал предложение выступить завтра с декларацией. Далеко за полночь текст кое-как согласовали. Осудив некоторые из положений выступления, делегация предлагала не отбрасывать рациональные его зерна. Начиналась она словами: «Выступление своевременное и нужное». <...> Когда конференция вновь собралась... На сей раз выступали секретари обкома, горкома и много другого начальства. Кое-как замяли это дело и приняли решение с осуждением поведения нашей делегации. <...> За время конференции и после нее много понял, на многое стал смотреть другими глазами. 6 ноября о конференции сообщила Би-Би-Си. <...> Завтра, скорее всего, Немелкова выведут из бюро, исключат из комсомола. Думаю, то же случится и с Писчасовым... [Остановиться, оглянуться, с. 35].

Вероятно, именно этим нажимом и можно объяснить покаянные интонации Артура Немелкова во второй день конференции:

⁵ Георгий Писчасов – в 1955–1956 гг. секретарь комитета (бюро) ВЛКСМ физико-технического факультета УПИ.

Вообще трудно начать. Я даже не знаю, с чего начать. Меня обвиняли здесь в антисоветчине, в троцкизме, в оппортунизме и т. д., в антипартийности. Возможно, это и правильно. Химики предлагают исключить меня из комсомола, даже до этого дошло дело... [ЦДОСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 46].

В то же время речь Георгия Писчасова, представлявшего всю делегацию проблемного факультета, звучит достаточно смело и во второй день, когда, казалось бы, воспитательные беседы и проработка должны были принести свои плоды. Не отрекаясь от уже опального члена своей делегации, ее руководитель подчеркивает «своевременность и нужность» слов Немелкова, упомянув, правда, слишком резкую форму и некоторые «принципиально неверные положения», например, о «серости масс, бюрократизме госаппарата» за пределами периода культа личности, о «полном неисполнении» положений Конституции. Но Г. Писчасов вновь вынес на обсуждение конференции вопрос о комсомоле как политической организации. Он также высказался против «грубости, голословности и привешивания ярлыков “троцкизм”, “правый оппортунизм”, “декадентство”, “клеветничество”, “антисоветчина”, которые прозвучали как стремление отбить охоту говорить прямо, честно и открыто о недостатках нашей жизни». И далее прозвучали уж совсем «диссидентские» вещи, секретарь бюро ВЛКСМ замахнулся на такие неприкосновенные константы-мифологемы, как «советская демократия»:

Активность масс заглушается чрезмерной централизацией и нарушением демократических норм общественной жизни на местах. Яркими примерами могут служить практика выборов, демонстраций, митингов, выступлений в печати. <...> У нас на выборах всегда выдвигается один человек, не так, как в капиталистических странах. Зато там существует партийная борьба, стремление доказать, что данный человек является достойным. У нас, т. к. выдвигается один кандидат, если он не отъявленный мошенник или вор, то он, во всяком случае, пройдет... [Там же. Л. 77–79].

На критику выборной системы, даже в такой слабой форме (необходимость хотя бы двух кандидатов), не могли не отреагировать партийно-комсомольские «боссы». Реакция эта стандартна по формулировкам, примитивна по содержанию и отражает мифологию партийной номенклатуры, к которой принадлежали выступавшие. Первый секретарь Свердловского горкома ВЛКСМ Л. Н. Понамарев:

Вы говорили, что там в условиях борьбы партий имеется возможность выбрать порядочных депутатов. А в американском конгрессе поло-

вина депутатов капиталисты – это порядочные депутаты или непорядочные? Это непорядочные депутаты. Мне кажется, что т. Писчасову надо эту ошибку признать [Там же. Л. 85].

Другой служитель идеологического фронта, комсомолец 1920-х гг., ответственный за пропаганду и агитацию в Свердловском обкоме КПСС, В. А. Куроедов так объяснил различия в выборной системе США и СССР:

В Америке борьба монополий. А у нас общество единое, у нас морально-политическое единство в советском обществе. Вряд ли нам надо иметь двух кандидатов [Там же. Л. 65].

Отвечая на первый пункт декларации делегации физико-технического факультета, секретарь Свердловского горкома КПСС по агитации и пропаганде Б. А. Осипов, видимо, считал, что он опровергает утверждение об отсутствии демократии в стране:

В этом пункте фактически охаивается проведение выборов в органы государственной власти, здесь охаиваются наши демонстрации... охаиваются митинги. <...> Кому не дано право выступать в печати. Товарищи физтехники, назовите такой пример, когда вас чем-нибудь заглушили, не дали вам выступить в вашей хотя бы институтской газете. <...> Я уверяю вас, что у вас нет таких примеров [Там же. Л. 56].

Хотя пример такой был олицетворен самим Осиповым, выполнявшим «специальное поручение» обкома партии по «перелому хода конференции» как в публичных выступлениях, так и работой в ее кулуарах.

Нельзя отказать в смелости не только Г. Писчасову, но и другим однокашникам А. Немелкова – студентам-физтеховцам Герасимову, Смирнову, Новикову, поддержавшим его и во второй день:

Многие делегаты не одобрили выступление нашего первого оратора. Правда, не очень привычно слушать подобные речи. Мы воспитаны в условиях культа личности и привыкли слышать хвалебные песни. Надо прямо сказать, что в критике мы плаваем мелко. Если критиковать... то отдельных членов факультетского бюро... институтский комитет, а выше мы боимся глянуть, как бы чего не вышло. <...> И зря некоторые товарищи так яростно объявили первого нашего оратора чуть ли не врагом народа. <...> Немелков говорил, чтобы принимать в комсомол людей более старшего возраста. Я с ним частично согласен. У нас в школе все вступают в комсомол, но еще недостаточно подготовлены... В результате у нас почти все в комсомоле, есть нарушители, пьяницы, хулиганы, есть много балласта, равнодушных людей. Они и порождают серость в работе. Часто задают вопрос – чем мы отличаемся от некомсомольцев, толь-

ко тем, что членские взносы платим. <...> Из выступления т. Добрыдень такой вывод, что Немелкова надо поставить на трибуну и расстрелять. Т. Добрыдень говорит это, не зная Немелкова. Я знаю Немелкова и не сказал бы, что он является врагом народа. Его выступление было продиктовано не чем иным, как желанием сделать жизнь лучше, интереснее. <...> Он не сумел подобрать подходящую форму, а мысли были исключительно правильные [ЦДООСО. Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9. Л. 68, 97–98, 101].

А студент металлургического факультета Точарин увидел пользу от крамольных речей Немелкова, сравнивая, «как проходили раньше конференции не только в институте, но даже в районе... <...> Читают газеты, книги, приносили специально книги, чтобы читать. Сегодня что-то все слушают, всех интересуют выступления, все взбудоражены. Это тоже неплохо» [Там же. Л. 107].

В протокол второго дня конференции, хотя и отшлифованного уже частично «праведным гневом и осуждением антисоветчика», просочились нюансы восприятия действительности, которые не были такой уж редкостью среди думающей части советской молодежи. Например, студент металлургического факультета Балашов поделился своими знаниями, близкими к доносу о «недостойных настроениях» среди комсомольцев, один из которых «заявил, что вообще разочарован в жизни», не верит нашим газетам, пишущим неправду, «слушает Би-Би-Си и этим доволен», а другой сетовал на то, «что сколько мы ни работаем, сколько ни делаем, а народ живет хуже, чем в любой капиталистической стране» [Там же. Л. 99].

Ложь и лицемерие как часть облика партийных функционеров также проявилась на страницах протокола конференции. Не говорить всю правду или исказить ее, выступая перед большими аудиториями, – прием, которым владели секретари свердловских горкома и обкома Б. А. Осипов и В. А. Куроедов, ответственные за агитацию и пропаганду.

Дело в том, что к осени до уральского студенчества докатились слухи о «волнениях» в МГУ, произошедшие еще весной 1956 г., но активные меры партийное руководство главного вуза страны предприняло лишь в октябре, в начале нового учебного года. А «волнения» заключались в том, что студенты-филологи, обнаружив в университетском буфете несвежие продукты, призвали бойкотировать комбинат питания МГУ, «где окопались жулики». К филологам присоединились биологи, историки и журналисты, вывесив лозунг: «Если ты не хочешь питаться, как скот, – поддерживай бойкот!» Такая активность студентов вызвала переполох не только в парткоме МГУ, но и в Московском городском комитете партии, в результате чего бойкот окрестили «политической провокацией» [Таранов; Кара-Мурза, с. 46–47]. Эти слухи и намеревались проверить студенты УПИ у компетентных агитаторов и пропагандистов из партийного комитета, чья осведомленность подкреплялась и тем, что один

из них (Куроедов) только что вернулся из командировки в Москву. Ответы были следующими.

Осипов:

Товарищи, вчера и сегодня в президиум подаются записки, в которых просят разъяснить, имеются ли волнения в Московском государственном университете. Могу вам с полной ответственностью за свои слова заявить, что это голый вымысел. Никаких волнений нет. Вот почему-то вы волнуетесь. Нигде, ни в одном вузе страны ничего подобного, похожего на волнения, нет. Заявляю это с полным основанием.

Куроедов, отвечая на записку:

Вы сейчас сказали, что вчера приехали из Москвы. Что Вы там слышали о волнениях в МГУ? Ничего не слышал [Там же. Л. 57–65].

Еще на одной примечательной подробности хотелось бы остановиться – это тема демонстраций, вернее, участия в них студентов. В некоторых выступлениях, в том числе Г. Писчасова, ставился вопрос о том, что на демонстрации студентов гонят насильно. А вывод делался далеко идущий – нарушение демократии.

В стенограмме протокола общего партийного собрания УПИ, состоявшегося по следам наделавшей шума комсомольской конференции 15 ноября 1956 г. и посвященной «факту антипартийного, антисоветского выступления» А. Немелкова, имеется запись, красочно живописующая, как студенты и преподаватели УПИ участвовали в демонстрации 7 ноября 1956 г. Текст производит впечатление курьеза, но это лишь на первый взгляд. Скорее всего «происшествие с портретами членов ЦК» можно рассматривать как проявление ценностных деформаций. Колорит фрагмента делает его достойным подробного цитирования.

Тов. Добрыдень⁶: <...> У нас события на конференции случились как раз пред праздником Октябрьской революции. Кажется логично, с точки зрения партийности и политической бдительности совершенно ясно, что надо было к празднику готовиться особенно хорошо, надо было тщательно продумать и т. д., и прежде всего всем коммунистам явиться на демонстрацию и привести с собой всех комсомольцев и студентов.

Я считаю, что этого не было сделано.

Больше того, на демонстрации начались такие казусы, что мне просто стыдно рассказывать.

Во-первых, все портреты членов президиума ЦК, которые должны были быть во главе колонны нашего института, каким-то образом за-были. Дошли до моста и вдруг вспомнили, что нет президиума ЦК. Тут

⁶ А. А. Добрыдень – член комитета ВЛКСМ, выпускник металлургического факультета УПИ 1956 г.

мы, несколько человек коммунистов и комсомольцев, на свои деньги взяли машину и сюда, в институт, забрали эти портреты и на полной скорости к «Динамо», поставили портреты вдоль пути колонны, подходит наш институт, нас 8 человек, портреты тяжелые должны нести три человека, надо найти товарищей, которые бы понесли. Подходит энергофак, мы обращаемся: «Товарищи, помогите, возьмите портреты»; студенты снимают перчатки, и прячут в карманы, и говорят: холодно без перчаток нести, как же понесем. Обращаюсь к коммунистам, в частности к уважаемому т. Бакунину, он мне ответил: «Я не декан, декан рядом идет, к нему и обращайся». Я обратился к т. Сыромятникову, но он так на меня посмотрел.

<...> Подходит факультет строительных материалов, обращаюсь к Федотову (секретарь парторганизации факультета). Федотов говорит: слушай, я свои портреты насилу рассовал. А т. Пошехонов идет в колонне, грозит пальцем и говорит: у нас девчонки, лучше не старайся...

Одним словом, мимо президиума ЦК дружно продемонстрировало полинститута, а мы несли портрет Микояна вдвоем, просили товарищей, но никто не хотел взять. Это тоже политика... [ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 11. Л. 277–279].

Сущность советских праздников на сегодняшний день неплохо осмыслена в теоретическом плане (см., например: [Щербинин, 1998, 2014; Дубин; Шумихина, Попова; Шалаева]). Когда-то, в первые десятилетия после революции, политические праздники с характерной символикой и повторяемостью действия вносили существенный вклад в формирование советской политической реальности, а также способствовали легитимации существующей власти через приобщение новых поколений к уже прошедшим идеологически значимым историческим событиям. Особенно важны были для советского режима атмосфера праздника и его коммуникационные функции – единение власти с народом, а всех участников действия между собой [Щербинин, 2014, с. 54–55]. Поэтому партийная номенклатура всегда была всерьез озабочена количеством марширующих в колоннах. Кроме того, инициатива так называемых масс в организации шествий не приветствовалась, напротив, имела место жесткая регламентация сценария праздника, за который отвечал не раз упомянутый отдел (или сектор) агитации и пропаганды.

Придавалось значение и чувственно-эмоциональному воздействию, созданию почвы для восприятия политического праздника как обычая, традиции. Политико-антропологический подход в трактовке советских праздников акцентирует внимание на их роли в манипуляции социумом, на создании «матрицы эмоциональных стереотипов» [Щербинин, 1998, с. 84]. Участие с детских лет в ежегодно повторяющемся праздничном событии призвано было укоренять в советском человеке особое эмоциональное состояние или настроение [Там же, с. 89]. Однако в послевоенный период демонстрации

превратились скорее в повод совместной прогулки с друзьями. Идеологическая составляющая для большинства участников этого мероприятия была утрачена.

Эмоционально-психологическая атмосфера, рожденная XX съездом, словно в приоткрытую форточку выпустила разномыслие, которое всегда имело место в общественном сознании, несмотря на его жесткую идеологическую обработку. Однако нельзя не согласиться с утверждением, что разномыслие это, «приемлемое для любой демократической страны, превращалось в крамолу только благодаря специфическому отношению властей. <...> Все, что не находило себе места в легальной политической культуре советского общества, фактически интерпретировалось в категориях измены, предательства» и т. п. [Крамолы, с. 7]. Известны цифры, демонстрирующие всплеск политических репрессий в 1957–1958 гг., когда количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду составило 41,5% от общего числа всех, получивших сроки по этому обвинению за 1956–1987 гг. [Там же, с. 36].

Возвращаясь к выступлению Артура Немелкова на институтской комсомольской конференции 1956 г., можно ли назвать его, исключенного за критику советской действительности из комсомола, изгнанного из института, «антисоветчиком»? Думается, что нет. Напротив, он призывал к соблюдению норм советской конституции, демократических основ выборной системы, хотел, чтобы комсомол был по-настоящему самостоятельной политической организацией. Свидетельством тому, что «вольнодумец» середины 1950-х был по сути своей легитимен советской власти, его последующая биография. Артур Авенирович прожил долгую (ушел из жизни в 2012 г.), интересную и, как бы сейчас выразились, успешную жизнь. Отслужив в Советской армии, он заново вступил в комсомол, был восстановлен в числе студентов УПИ, но перевелся в Челябинский политехнический институт, так как в родном городе обосновалась его молодая семья. Работал на Челябинском тракторном заводе, в Институте гидродинамики Сибирского отделения Академии наук (Новосибирск), Челябинском тресте «Уралмонтажавтоматика», не раз бывал в зарубежных служебных командировках. Не утратил, правда, автор «крамольного» выступления 1956 г. критического взгляда на окружающую его действительность и никогда не скрывал того, что думает. Сожалел он о крахе попытки построить «социализм с человеческим лицом» в Чехословакии. Но Советский Союз называл великой страной, а свободу – не синонимом вседозволенности [Немелков]. Сегодня поколение Артура Немелкова чаще всего идентифицируется как поколение *homo soveticus*, но именно из этого поколения, прошедшего через опыт противоречий 1950-х гг., осознание лицемерия власти, идеологических и ценностных деформаций, многие шагнули в скрытое или явное диссидентство, именно их сегодня именуют «шестидесятниками».

Список литературы

Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 622 с.

Аксютин Ю. В., Волобуев О. В. XX съезд КПСС : Новации и догмы. М. : Политиздат, 1991. 224 с.

Блинов В. А. Немелков. Екатеринбург : Архитектон, 2012. 281 с.

Документы о выступлении на XVIII отчетно-выборной комсомольской конференции Уральского политехнического института студента физико-технического факультета А. А. Немелкова и реакция на это выступление партийных органов власти // Общество и власть. Российская провинция. 1941–1985 гг. Свердловская область : Документы и материалы : в 6 т. / отв. ред. А. А. Капустин, Г. Е. Корнилов и др. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. Т. 2. С. 365–384.

Дубин Б. Будни и праздники // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2 (68). С. 52–62.

Кара-Мурза С. Г. «Совок» вспоминает свою жизнь. М. : Алгоритм, 2002. 61 с.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск : Сибир. хронограф, 1999. 416 с.

Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. / под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко. М. : Материк, 2005. 432 с.

Немелков А. Из воспоминаний : УПИ. 1956 г. // Самиздат [сайт]. URL: http://samlib.ru/b/bondarewskij_1/nemelkov.shtml (дата обращения: 13.07.2017).

Остановиться, оглянуться (к 60-летию физико-технического факультета) / Ю. В. Егоров, А. В. Кружалов, Т. И. Полупанова, В. Д. Пузако, Т. Г. Рудницкая. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2009. 227 с.

Постановление ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий. 30 июня 1956 г. // 100 главных документов российской истории [сайт]. URL: <http://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-tsk-kpss-o-preodolenii-kulta-lichnosti-i-ego-posledstviy/> (дата обращения: 15.07.2017).

Прищеп А. И. Инакомыслие на Урале. Сургут : Изд. центр СурГУ, 1998. 280 с.

Пыжиков А. Истоки диссидентства : Молодежь после XX съезда КПСС // Свободная мысль – XXI. 2003. № 12. С. 77–85.

Пыжиков А. Социально психологические аспекты общественной жизни в годы «оттепели» // Свободная мысль – XXI. 2003. № 6. С. 103–110.

Пыжиков А. XX съезд и общественное мнение // Свободная мысль. 2000. № 8. С. 76–85.

Русина Ю. А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского госуниверситета им. А. М. Горького) // Урал в зеркале тысячелетий : в 2 кн. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. Кн. 2. С. 236–247.

Русина Ю. А. Феномен инакомыслия в практиках советской индивидуализации в высшей школе 1940-х – 1950-х годов // Историческая русистика в XXI веке : Книги по русистике. XLII. Будапешт : Russica Pannonicana, 2017. С. 350–359.

Студенческие брожения в СССР (конец 1956 г.) : Архивные документы // Вопр. истории. 1997. № 1. С. 20–21.

Таранов Е. Раскачаем Ленинские горы // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 99–101.

Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е гг. : История, теория и практика. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге ; Европ. дом, 2008. 544 с.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64; Ф. 161. Оп. 27. Д. 4, 11; 1910. Оп. 5. Д. 11; Ф. 4689. Оп. 2. Д. 9, 10, 11.

Шалаева Н. В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации в 1917–1920-е гг. // Власть. 2013. № 1. С. 132–136.

Шумихина Л. А., Попова В. Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.

Шунько Е. Артур Немелков : эссе // Самиздат [сайт]. URL: http://samlib.ru/b/bondarewskij_1/shunko.shtml (дата обращения: 15.08.2017).

Щербинин А. И. Политический праздник: концепт и коммуникация // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 3. С. 45–59.

Щербинин А. И. Тотальная индоктринация: у истоков системы : Политические праздники и игры // Полис : Политические исследования. 1998. № 5. С. 79–96.

References

Aksyutin, Yu. V. (2010). *Khrushchevskaya "otpepel'" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's Thaw and Public Sentiments in the USSR in 1953–1964]. Moscow, ROSSPEN. 622 p.

Aksyutin, Yu. V., Volobuev, O. V. (1991). *XX s'ezd KPSS: novatsii i dogmy* [20th Congress of the CPSU: Innovations and Dogmas]. Moscow, Politizdat. 224 p.

Blinov, V. A. (2012). *Nemelkov* [Nemelkov]. Yekaterinburg, Arkhitekton. 281 p.

Dokumenty o vystuplenii na XVIII otchetno-vybornoj komsomol'skoi konferentsii Ural'skogo politekhnicheskogo instituta studenta fiziko-tekhnicheskogo fakul'teta A. A. Nemelkova i reaktsiya na eto vystuplenie partiinykh organov vlasti [Documents on the Speech at the 18th Reporting and Elective Komsomol Conference of the Ural Polytechnic Institute Delivered by A. A. Nemilkov, a Student of the Faculty of Physics and Technology, and the Reaction to this Statement by the Party Authorities]. (2006). In Kapustin, A. A., Kornilov, G. E. (Eds.). *Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1941–1985 gg. Sverdlovskaya oblast'. Dokumenty i materialy.* 6 Vols. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Vol. 2, pp. 365–384

Dubin, B. (2003). Budni i prazdniki [Weekdays and Holidays]. In *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii.* No. 2 (68), pp. 52–62.

Egorov, Yu. V., Kruzhalov, A. V., Polupanova, T. I., Puzako, V. D. Rudnitskaya, T. G. (Comp.). (2009). *Ostanovit'sya, oglyanut'sya... (k 60-letiyu fiziko-tekhnicheskogo fakul'teta)* [To Stop and Look around. For the 60th Anniversary of the Faculty of Physics and Technology]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta. 227 p.

Firsov, B. M. (2008). *Raznomyslie v SSSR, 1940e–1960-e gg. Istoriya, teoriya i praktika* [The Difference of Thoughts in the USSR, 1940s–1960s. History, Theory, and Practice]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Evropeiskii dom. 544 p.

Kara-Murza, S. G. (2002). *"Sovok" vspominaet svoyu zhizn'* ["Sovok" Remembers his Life]. Moscow, Algoritm. 61 p.

Kozlov, V. A. (1999). *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)* [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – Early 1980s)]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 416 p.

Kozlov, V. A., Mironenko, S. V. (Eds.) (2005). *Kramola. Inakomyslie pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg.* [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. Moscow, Materik. 432 p.

Nemelkov, A. Iz vospominanii. UPI. 1956 g. [Arthur Nemelkov. Excerpts from Memoirs. Ural Polytechnic Institute. 1956]. In *Samizdat* [website]. URL: http://samlib.ru/b/bondarewskij_1/nemelkov.shtml (mode of access: 13.07.2017).

Postanovlenie TsK KPSS o preodolenii kul'ta lichnosti i ego posledstviy. 30 iyunya 1956 g. [Resolution of the Central Committee of the CPSU on Overcoming the Cult of Personality and Its Consequences. 30 June 1956]. In *100 glavnykh dokumentov Rossiiskoi istorii* [website]. URL: <http://doc.histfr.ru/20/postanovlenie-tsk-kpss-o-preodolenii-kulta-lichnosti-i-ego-posledstviy/> (mode of access: 15.07.2017).

Prishchepa, A. I. (1989). *Inakomyslie na Urale* [Dissent in the Urals]. Surgut, Izdatel'skii tsentr Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 280 p.

Pyzhikov, A. (2000). XX s'ezd i obshchestvennoe mnenie [The 20th Congress and Public Opinion]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 8, pp. 76–85.

Pyzhikov, A. (2003). Istoki dissidentstva. Molozh' posle XX c'ezda KPSS [The Origins of Dissidence. Youth after the 20th Congress of the CPSU]. In *Svobodnaya mysl'* – XXI. No. 12, pp. 77–85.

Pyzhikov, A. (2003). Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty obshchestvennoi zhizni v gody "ottepei" [Social and Psychological Aspects of Public Life in the Years of the Thaw]. In *Svobodnaya mysl'* – XXI. No. 6, pp. 103–110.

Rusina, Yu. A. (2009). "Vskhody" inakomyслиya v sovetskikh vuzakh (na primere Ural'skogo gosuniversiteya imeni A. M. Gor'kogo) ["Sprouts" of Dissent in Soviet Universities (with Reference to Gorky Ural State University)]. In *Ural v zerkale tysyacheletii*. 2 Books. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. Book 2, pp. 236–247.

Rusina, Yu. A. (2017). Fenomen inakomyслиya v praktikakh sovetskoi individualizatsii v vysshei shkole 1940-kh – 1950-kh godov [The Phenomenon of Dissent in the Practices of Soviet Individualisation in Higher Education in the 1940s–1950s]. In *Istoricheskaya rusistika v XXI veke. Knigi po rusistike. XLII*. Budapesht, Russica Pannonicana, pp. 350–359.

Shalaeva, N. V. (2013). Sovetskii gosudarstvennyi prazdnik kak mekhanizm formirovaniya reprezentativnogo obraza vlasti i sotsiokul'turnoi kommunikatsii v 1917–1920-e gg. [Soviet State Holidays as a Mechanism for the Formation of a Representative Image of Power and Socio-Cultural Communication between 1917 and the 1920s]. In *Vlast'*. No. 1, pp. 132–136.

Shcherbinin, A. I. (1998). Total'naya indoktrinatsiya: u istokov sistemy. Politicheskie prazdniki i igry [Total Indoctrination: At the Roots of the System. Political Holidays and Games]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5, pp. 79–96.

Shcherbinin, A. I. (2014). Politicheskii prazdnik: kontsept i kommunikatsiya [Political Holidays. Concept and Communication]. In *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. No. 3, pp. 45–59.

Shumikhina, L. A., Popova, V. N. (2012). Estetika paradov i demonstratsii kak prazdnichnykh ritualov sovetskoi kul'tury [The Aesthetics of Parades and Demonstrations as Festive Rituals of Soviet Culture]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 5, pp. 203–208.

Shun'ko E. Artur Nemelkov. Esse. [Arthur Nemelkov. Essay]. In *Samizdat* [website]. URL: http://samlib.ru/b/bondarewskij_l/shunko.shtml (mode of access: 15.08.2017).

Studencheskie brozheniya v SSSR (konets 1956 g.). Arkhivnye dokumenty [The Student Intellectual Ferment in the USSR (Late 1956). Archival Documents]. (1997). In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 20–21.

Taranov, E. (1993). Raskachaem Leninskie gory [Let us Shake the Lenin Hills]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 3, pp. 99–101.

TsDOOSO [Centre for the Documentation of Social Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 4. List 55. Dos. 64; Stock 161. List 27. Dos. 4, 11; Stock 1910. List 5. Dos. 11; Stock 4689. List 2. Dos. 9, 10, 11.

The article was submitted on 21.07.2018